

УДК 94 (47) + 94(57)+ 94(5-191.2)

Р. Т. Ганиев

ХИВИНСКАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1-й половине XIX в.: АМБИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ*

Анализируется внешняя политика Российской империи в отношении Хивинского ханства, ключевого фактора центральноазиатской политики России в первой половине XIX в. Рассматриваются предпосылки англо-русского соперничества второй половины XIX в. («большая игра») в Центральной Азии, впервые проявившегося в хивинском вопросе. В качестве источников использованы материалы фонда канцелярии оренбургского военного губернатора Государственного архива Оренбургской области, многие из которых публикуются впервые.

Ключевые слова: Хивинское ханство; Центральная Азия; Российская империя; англо-русское соперничество.

Несчастный поход в Хиву в 1717 году князя Бековича-Черкасского, погибшего со всем своим отрядом, и почти столь же несчастная участь отряда генерал-адъютанта В. А. Перовского в 1839 году сделали Хиву как бы заколдованною и недоступною для русского оружия. В правящих сферах Петербурга явилось убеждение, что взять Хиву военной силою очень трудно и почти невозможно...

Н. В. Захарьин

Хивинское ханство, в силу удаленности и безводности окружающих его земель, долгое время стояло особняком в российско-центральноазиатских отношениях вплоть до 1873 г. К северу от современной Хивы находится Республика Каракалпакстан, являющаяся зоной экологического бедствия и безжизненных пустынь. Из Бухары до Хивы немногим более 500 километров, путь этот занимает около 8—9 часов езды на автомобиле по занесенному песками Кызылкума шоссе под палящим солнцем летом и обжигающим холодом зимой. Можно вообразить, каким сложным и непредсказуемым, в силу климатических особенностей региона, являлся путь от Оренбурга до Хивы в середине XIX в. Кроме того, следует добавить и беспокойную в то время военно-политическую обстановку в регионе.

Тем не менее с конца XVIII в. между Россией и Хивой наметился активный виток дипломатических обменов, посольства следовали одно за другим как со стороны России, так и из Хивы [см.: Гуломов].

20 апреля 1793 г. в Орск из хивинских владений прибыли вместе с пришедшим оттуда небольшим купеческим караваном хивинцы Искендер Аллабердиев и Рахимбай Достмуратов с четырьмя служителями. По приезде из Орска

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.A18.21.1993.

в Оренбург хивинцы объявили, что присланы они «Хивинской области от ханского в делах сопровителя Авязь-бека к главному пограничному начальству оренбургскому с листом». В «листе» этом Авязь-бек, извещая наместника уфимского генерал-поручика Неутлинга, что дядя его, Авязя, Мухаммед-Фазыл бий ослеп, просил для излечения его от слепоты прислать, во изъявление дружества, искусного лекаря, так как до слуха его, Авязя, дошло, что в России есть такие искусные лекаря, которые могут оказать помощь в подобном случае. Неутлинг довел об этом немедленно до сведения императрицы. В Петербурге были весьма рады случаю послать в Хиву умного и наблюдательного человека, который бы мог на месте собрать достоверные сведения об этой малоизвестной стране. Высочайшим повелением от 14 июля 1793 г. Неутлинг был уведомлен, что, снисходя на просьбу Авязь-бека, посылается в Хиву майор Бланкеннагель, «многими опытами доказавший искусство свое во врачевании глаз»; а вслед за тем, в начале августа, прибыл в Оренбург и сам Бланкеннагель [см.: Замечания майора Бланкеннагеля ..., с. 24].

Что же собой представляло Хивинское ханство к началу XIX в. и какие интересы преследовали Россия и Хива в выстраивании долгосрочных отношений друг с другом?

В начале XIX в. Средняя Азия слыла загадочным краем, о котором ходило много слухов и легенд. Достоверной информации было немного. Основными источниками о Хивинском ханстве к началу XIX в. являлись записки миссии Гладышева и Муравина 1740 г., поездки в Хиву майора Е. И. Бланкеннагеля от 1793 г., позже добавились наблюдения Н. Н. Муравьева 1819 г. Пользуясь этими данными, Россия и выстраивала дальнейшие стратегии взаимодействия с Хивой в первой половине XIX в.

По описанию Е. И. Бланкеннагеля, «хивинское владение границами своими имеет: с северной стороны Аральское озеро, с восточной — горы и песчаные степи, лежащие между Хивою и Бухариею, с южной — песчаные степи между Хивою и Трухменцами, а к западной — каменистую степь между Хивою и Мангислаком» [Там же, с. 9].

Главной в повестке взаимоотношений между Хивой и Россией вплоть до 1873 г., которая была озвучена еще Е. И. Бланкеннагелем в конце XVIII в., была проблема русских невольников. «Хивинские невольники суть российские и персидские подданные; российских обоюга пола число простирается до двух, а персидских более двадцати тысяч. Киргизцы пленных россиян продают на хивинских и бухарских базарах: мужчин — от 40 до 50, а женщин — от 50 до 100 червонных тамошних» [Там же, с. 12].

Интересные и ценные замечания Е. И. Бланкеннагеля касаются также торговых отношений между Хивой и Россией. «Хивинцы и Бухарцы ныне привозят в Оренбург и Астрахань ежегодно товаров, — когда избавятся на проезде своем от грабежей Киргизцев, — по цене на два миллиона или около того; а наших товаров вывозят меньше, нежели на один миллион. Сия несоразмерность привоза против вывоза товаров оттого происходит, что при нынешнем положении и образе жизни тамошних народов пребывают они в беспрестанной взаимной друг от друга опасности, а сия опасность запрещает им и

думать о товарах к удовольствию служащих; для чего они и не выменивают таковых товаров, а выменивают только такие, которые на необходимые потребности им нужны; но сих последних не более им надобно, как на миллион или меньше. Итак, на остающуюся сумму товаров выменивают они наличные золотые и серебрянные деньги во всякой монете; укрыть же от правительства вывоз их находят они великую удобность через надежных себе киргизцев, и сего рода бухарцы охотнее приезжают в Оренбург, нежели в Астрахань, ибо провезти тайно не так удобно на кораблях, как сухопутно. От таковой же несоразмерности привозимых к нам их товаров и произведений против вывозимых от нас происходит и унижение цен наших товаров. ...Зло сие умножается год от году к великому государственному убытку» [Замечания майора Бланкеннагеля ..., с. 18].

Русским купцам долгое время путь в Центральную Азию был закрыт по двум причинам. Во-первых, они имели статус «неверных» в глазах местного населения, а во-вторых, своими действиями они угрожали всей транзитной торговле азиатских купцов с Россией. «...Купцы тамошние, которые в Россию выезжают, очень недовольны, если к ним приезжают российские подданные для закупки их произведений и товаров; для отчуждения российских купцов от торговли в их земле причиняли им всевозможные притеснения. Пред сим торговали в Хиве и Бухарии из российских подданных: россияне, армяне и татары; ныне ездят туда одни только татары, которые, по согласию с тамошними купцами, старались и тех и других отдалить. Если хивинский купец захочет российского купца в большие ввести хлопоты, то подговаривает одного из наших татар, чтобы он объявил россиянина лазутчиком, и жизнь его тогда подвергается крайней опасности» [Там же, с. 18].

Уже в конце XVIII в. Бланкеннагель предвидел тщетность всех дипломатических усилий Российского государства и предлагал быстрое и действенное решение для защиты российских интересов в Хиве: «Но когда удобно будет нашим купцам с товарами своими самим ездить к ним, тогда последует все противное, и из малейших выгод наших будет то, что сей миллион рублей, вывозимый из России наличными деньгами, оставаться будет ежегодно в нашу прибыль; но до сего дойти посредством договоров был бы труд тщетный и невозможный; и нет к сему другого способа, как овладение Хивою» [Там же].

В торговле с Хивой и всей Средней Азией ситуация, описываемая автором, сохранилась без изменений вплоть до 1873 г. Ценность замечаний Е. И. Бланкеннагеля состояла именно в том, что он отметил главные пункты, требовавшие внимания со стороны российского правительства. Его наблюдения составили готовый план действий, но их реализация растянулась на долгие годы. Были и некоторые заблуждения, сыгравшие впоследствии роковую роль в зимнем походе 1839 г. Е. И. Бланкеннагель считал, что Хиву можно завоевать без особых трудностей. «...Нет нужды вооружать флота, посылать большие войска, употреблять великие издержки и проливать кровь; словом — овладение Хивою не будет стоить нам почти ничего, а сие ничего доставит России великие сокровища и, что лестнее, доставит народам тамошним безмятежность и спокойствие. Главнейшее затруднение в овладении Хивинскою областью состоит в том, чтобы туда

пробраться; но если надлежащие меры приняты будут, то проход туда делается весьма удобным. Я осмеливаюсь утвердительно сказать, что с пятью тысячами человек можно без затруднения взять все хивинские владения, хотя осбеки и прочие народы и стали в том препятствовать; но для безопасности и к лучшему всех тамошних стран в спокойствии и тишине удержанию можно бы туда переселить еще несколько тысяч казаков, а после того уже нечего будет опасаться» [Замечания майора Бланкеннагеля ..., с. 20].

В конце сочинения автор резюмировал свои идеи относительно Хивы:

Не исчисляя подробно всех величайших выгод от завладения Хивою, полагаю:

1) Что меньшая Киргизказацкая орда, между Оренбургом и Аральским озером находящаяся, могла бы быть совершенно покорна России.

2) Что приобретением Хивы и в теперешнем положении торговли, которое есть только тень того состояния, до какого она доведена быть может, — Россия выиграла бы ежегодно до миллиона рублей, которая сумма ныне наличными деньгами из государства выходят.

3) Что, по овладении Хивою, может установлен быть торг прямо с Индией.

4) Что приобретением Хивы были бы освобождены из плену несколько тысяч российских подданных [Там же, с. 21].

К середине XIX в. с переменным успехом была достигнута лишь цель, обозначенная четвертым пунктом: большая часть русских пленных была отпущена на свободу и возвращена в Россию, но запретить Хиве вновь захватывать в плен русских так и не удалось вплоть до 1873 г.

Спустя более 20 лет в Хиве побывал российский посланник Н. Н. Муравьев, написавший книгу о своем путешествии [см: Путешествие в Туркмению и Хиву...]. В ней он дополнил сведения своего предшественника, подробно описал схему торговых операций и проблемы, существующие в российско-хивинских отношениях, а также впервые уделил внимание нарастающему противостоянию России и Англии в Центральной Азии. Автор оценивал Хиву с точки зрения усиления влияния России в Центральной Азии — регионе, в котором, по его мнению, Хива играла ключевую роль.

Если же бы Хива была в наших руках (что весьма не трудно исполнить), тогда кочующие народы Средней Азии опасались бы нашей власти и торговые пути учредились бы через Инд, Амударью в Россию. Тогда бы все сокровища Средней и Южной Азии обратились бы в наше отечество и тем исполнилось бы славное предприятие Великого Петра; владея же в Хиве, зависели бы от нас и многие азиатские державы. ...Хива есть теперь передовой караул препятствующий торговле Бухарии и Северной Индии с Россией; будучи же под влиянием нашим, земля сия делается охранным караулом торговли сей от нападений кочевых народов, рассеянных в степях Средней Азии между державами, ищущими оной. Остров сей среди песчаного океана сделался бы средоточием всей азиатской торговли и поколебал бы сильное торговое преимущество властителей морей в самой Индии [Путешествие..., с. 102].

Хива была заинтересована лишь в транзитной (односторонней) торговле с Россией, так как свои товары она не производила, а на юге и востоке грани-

чила с Ираном и Бухарским эмиратом. Хивинцы являлись поставщиками восточных товаров для россиян, поэтому объемы, стоимость и правила этой торговли диктовали они. Допустить русских купцов на азиатский рынок означало бы конец транзитному владычеству хивинцев и всех среднеазиатских торговцев. К тому же правители Хивы, в силу своего менталитета, не оценивали торговые возможности с Россией с точки зрения долгосрочной перспективы. Они поступали с позиции сиюминутной выгоды, не соблюдая договоренности, достигнутые ранее в ходе дипломатических миссий.

Е. И. Бланкеннагель и Н. Н. Муравьев рассматривали Хивинское ханство как преграду для всей торговли России с Азией, а также ключевым фактором на транзитных путях из Европы в Азию. Идея достижения загадочной и богатой Индии отражена в обеих работах, поэтому непременно высказывалась мысль о завоевании «хивинского оазиса» Россией. В этом и была главная ошибка посланников и принимавшего к сведению эти данные российского правительства, рассматривавшего Хиву в качестве единственного верного направления для контроля над Азией. Долгое время этот постулат отвлекал Россию от реальной оценки всего региона и роли Хивы и других ханств в Центральной Азии до появления в регионе англичан.

Несмотря на активизацию обменов, отношения между Хивой и Россией складывались не самым лучшим образом. Дипломатическое влияние Российской империи, договоренности и клятвы между Хивой и Россией за четверть века не смогли улучшить отношения двух государств как в экономическом, так и в военно-политическом отношении. Хивинцы старались держаться на безопасной дистанции от России, но время от времени напоминали о себе. После визита Н. Н. Муравьева хан Муххамед-Рахим в декабре 1819 г. отправил письмо главнокомандующему на Кавказе о развитии торговых связей между Хивой и Россией, которое не соответствовало реальному положению вещей. «...Усердное письмо об обращении по дружбе и знакомству, присланное с Н. Н. Муравьевым, предстоящие при дворе нашем чиновники получили, и содержание оно стало известно. Что касается до писания твоего, чтобы основание дружбы было возобновлено и утверждено через продолжение между нами сношений и старанием обеих сторон, купцы имели бы открытые пути и спокойно пользовались бы торговлей, то по сему делу будь известен, что ныне караваны и купцы безопасно и спокойно ездят в сторону крепости Янгийской [Гурьев] и астраханского владения. А как йомудские и гокленские народы некоторые служат нам, а другие каджару, то когда по воле Божьей поступят и они под власть нашу, тогда может исполниться то, что угодно будет Богу... [Акты..., с. 710–711].

Но в препроводительной записке, приложенной к этому документу, а также в прошении йомудов генералу Вельяминову от 4 марта 1820 г. о принятии их в подданство России отмечается, что в своем письме хивинский хан «извещает, что он ни в какие особенно дружественные связи с русскими входить не желает» [ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 70].

Из письма явствует, что хан довольствовался существующим положением дел в торговле между Хивой и Россией и не задумывался о перспективах и увеличении оборотов этой торговли. Он старался не накалять конфронтацию

с Россией, но и проявлять дружественный настрой по отношению к северному соседу также не намеревался. Кроме того, Хива была в твердом убеждении не пускать на свой рынок русских купцов, которые тем самым могли нанести вред всей транзитной торговле Хивинского ханства, являвшейся основным источником дохода государства. Хан чувствовал свою безнаказанность и потому вел себя как полноправный владетель, не обращая внимания на предупредительный тон со стороны России, а любые снисхождения, на которые шли российские посланники, считались проявлением их слабости, а следовательно, слабости Российского государства.

В Оренбургском архиве (в фонде канцелярии оренбургского военного губернатора под 1819 г.) имеется дело «О враждебном отношении Хивинского хана к России». Автором донесения являлся султан Арунгази Габдул Газизов, шпионивший в пользу России, который писал: «Ширгазы Султан, выйдя из повиновения России и прервав дружбу с Бухарией, передался Хивинскому Мухаммед-рахим Хану, которой, наименовав его, Ширгазы Султана, над Киргизским Народом Ханом, приказал ему построить при Сыр-Дарье крепость и расположиться при оной. ...При сем Вашему Высокопревосходительству донести честь имею, что Ургенчский хан Мухамметрахим нашей Киргизкойсацкой орде чинит вред и разрушает спокойствие. Какими же средствами таковые его поступки отвратить и ордынцам нашим доставить спокойствие, предаю в рассмотрение Вашего Высокопревосходительства» [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 6669, л. 1–22].

В период с 1819 по 1839 г. в отношениях Хивы и России кардинальных изменений не произошло, как явствует из письма В. А. Перовского хивинскому хану:

...Хива содержит пленников русских в большом количестве, а как войны между Россией и Хивою никогда объявлено не было, то и русских не должно бы находиться в плену. Но Хива промышляет себе пленников воровством и разбоями, сам владелец Хивы поощряет туркмен и кайсаков к увозу мирных жителей и промышленников наших и получает даже от преступной и постыдной добычи этой известную долю. ...Хиве не может быть не известно, что кайсаки эти уже со времен Абулхаир Хана, т. е. уже более ста лет, подданные русских государей, а следовательно, расправе хивинского правительства не подлежат... Ни один купец, ни путник наш не смеет показаться в Хиву, потому что, нарушая народные права, хивинцы встречают гостей своих ножом, ядом или кандалами невольника. Между тем хивинские купцы доселе свободно разъезжали по всему Российскому государству, пользовались покровительством законов — словом, торговали, меняли, приезжали и уезжали по воле своей без малейшего от нас притеснения [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4371, л. 59–61].

В. А. Перовский в своем письме назвал действия Хивы по отношению к России «безрассудною враждою», конец которой могут положить лишь действенные меры, в том числе и военная угроза. «...У России несравненно больше воинов под ружьем, чем жителей в целом ханстве Хивинском, неужели мы не в силах наказать преступные действия владельца Хивы?» [Там же].

Другой мерой, принятой русским правительством, явилось взятие в заложники всех хивинских купцов, находящихся в России, с наложением ареста на их

имущество. Выход из этой ситуации для Хивы предложен был следующий: «Если хотите еще вовремя опомниться, то вышлите немедленно всех русских пленников и дайте слово свое вести себя впредь мирно и дружелюбно, не поощряйте грабежей и разбоев, не мешайтесь в управление кайсацкого народа; дайте подданным императора всероссийского те же права у Вас, какие Он дает у себя Вашим, и старое будет забыто» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4371, л. 59–61].

Таким образом, Россия в очередной раз предприняла попытку договориться со своим восточным соседом, но уже с помощью экономических санкций.

Если же необдуманная самонадеянность и упорное недоброжелательство и теперь еще не уступят гласу благоразумия и справедливости, то пусть хивинцы пеняют на своего хана, а он не призывает своего бога на помощь, когда ему будет худо. Если ваша вера позволяет вам губить невинных, то наша вера разрешает нам наказывать преступных. ...Россия не нуждается в торговле с Хивой, но Хива без торговли с Россией обойтись не может. Хива не может быть без меди, железа, чугуна, юфти и других произведений природы и рук подданных российского государя; хивинцы хлопчатую бумагу свою не повезут ни в Бухару, ни в Персию, ни к туркменам; кроме России, сбыть ее некуда, поэтому у вас без нашей торговли не будет ни денег, ни товаров... [Там же].

Бухара, в отличие от Хивы, первой оценила перспективы долгосрочных отношений с Россией, поэтому способствовала их укреплению на фоне ухудшающихся соседних российско-хивинских. Бухарцы как истинные торговцы подходили к этому со всей строгостью и глубоким расчетом на еще большую выгоду в торговле. При этом им также было невыгодно наличие русских перекупщиков в Азии, но свою политику по противодействию этому Бухара всячески маскировала, чтобы не вызвать тем самым недовольство руководства Российской империи. В этом и проявлялась гибкость бухарских купцов.

В. А. Перовский после письма хивинскому хану изложил российско-хивинские проблемы в письме бухарскому эмиру, в котором, в частности, сообщал:

Между российским и бухарским правительством подпоры приязни и столпы взаимного расположения стоять будут по-прежнему твердо и неизменно. Бухарское правительство, без сомнения, никогда не подаст России повода к неудовольствиям. Я уверен также, что если бы в Бухарии нашлось несколько человек давнишних пленников русских или таких, которые бежали в Бухару из Хивы, то Ваше Высочество, без сомнения, повелите немедленно освободить и представить их в свое отечество. Ко всему этому имею удовольствие присовокупить приятное для Вашего благолепного державного Высочества известие, что посол Ваш, по моему ходатайству, удостоится быть представленным его Императорскому Величеству и что подданные Ваши, торговые бухарцы, имели счастье быть представленными государю императору при проезде его через Нижний; между тем как находившиеся там же хивинцы не удостоились этой чести [Там же, л. 70–71].

Постепенно недовольство Хивой росло в среде гражданской и военной элиты Российского государства по ряду экономических и политических соображений, и в 1839 г. было принято решение о снаряжении военного похода в Хиву.

По мнению Иванина, «поход этот имел целью внушить страх и уважение к имени русскому в отдаленных странах Азии, открыть нам свободный путь в Среднюю Азию, дать другой выгоднейший оборот нашей торговле, расширить ее, ознакомить нас с Аральским бассейном, унять дерзкую Хиву — этот Алжир Средней Азии, — подстрекавшую киргиз к неповиновению нам и побуждавшую их к уводу наших подданных в плен, не допускавшую на свои рынки наших купцов и даже не принимавшую к себе наших посольств; заставить Хиву возвратить всех наших пленных, томившихся там в неволе» [Иванин, с. 156].

Однако Хивинскому походу предшествовали дипломатические консультации между Англией и Россией о разграничении сфер влияния в Средней Азии. В письме (апрель 1840 г.) на имя В. А. Перовского сообщалось:

Вашему превосходительству известно, что англичане, и особенно Главное управление их в Ост-Индии, всегда с недоверчивостью смотрели на всякие наши действия и меры относительно Средней Азии. Таким образом, и хивинская экспедиция должна была обратить на себя внимание английского правительства, тем более что она предпринята была вслед за экспедицией их в Афганистан. Имея в виду уничтожить неосновательные опасения англичан насчет нашего предприятия, государю Императору угодно было лично объявить великобританскому послу настоящую цель отправления отряда против Хивы. Слова его величества послужили к совершенному успокоению английского правительства, которое убедилось и в бескорыстии наших видов, и в необходимости силою оружия укротить наглость хивинцев. Затем посланнику нашему в Лондоне значительно облегчены были дальнейшие объяснения с английским министерством по сему предмету. Объяснения сии постепенно доведены до весьма удовлетворительного доверия и откровенности. Лондонский кабинет, не имея ни малейших сомнений в истине уверений наших касательно цели хивинской экспедиции, не скрыл от нас, что она производит, весьма, вредное влияние на дела в Афганистане... [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5055, л. 1—6].

В письме сообщается о распространившихся в степи слухах, что русская армия идет в Афганистан, тем самым взбудоражив правящие круги Афганистана (Дост Мухаммед-хана) и Бухары (Батыр-хана), которые на фоне этих известий решили объединиться против английского ставленника на афганском престоле — Шуджа Уль Мулька. Англию этот поворот событий не устраивал, поэтому они попросили Россию уведомить бухарского эмира о своих планах, в которые не входят решение афганских проблем. Российский император дал свое согласие англичанам и решил доверить эту миссию В. А. Перовскому, но выполнить свое обещание так и не смог: отряд Перовского не дошел до Хивы.

Опасения англичан не были беспочвенными, так как предысторией этих событий явилось прибытие 18 апреля 1836 г. из Бухары в Орск афганца Гуссейн-Али, посланного кабульским владетелем Дост-Мухаммедом с грамотой к русскому царю, в которой он предлагал «утвердить между двумя державами стезю дружбы и единодушия» и просил защиты от своих недругов, поддерживаемых англичанами [см.: «Я удовлетворю совершенно...»].

Результатом этой просьбы было командирование в конце 1837 г. в Афганистан состоявшего при Перовском поручика Я. В. Виткевича. Однако успешные

переговоры Виткевича в Кабуле были прерваны под давлением правительства Великобритании. Не желая обострения русско-английских отношений, царское правительство отозвало Виткевича из Кабула и отказалось признать заключенный им договор с Афганистаном. Вскоре после этого Великобритания начала первую англо-афганскую войну, целью которой являлось свержение эмира Афганистана Дост Мухаммед-хана (конец 1838), а Российская империя начала подготовку к походу в Хиву (апрель — май 1839).

Таким образом, Россия и Англия разделили сферы влияния в условиях 1838 г.: Россия не вмешивалась в афганские события, а Англия закрывала глаза на захват Хивы русскими. Однако никто из сторон с задачами не справился, поэтому после 1840 г. для русских и 1841 г. для англичан дипломатическая активность в регионе уменьшилась, а условия взаимодействия в Средней Азии требовали новых договоренностей между двумя державами [см.: Данков, 2008, с. 29—58].

Примечательно, что в декабре 1840 г., т. е. во время похода В. А. Перовского, в России вышла книга о Хиве неизвестного автора (очевидно, в пропагандистских целях). Книга предназначалась для широкого круга читателей и объясняла необходимость и важность для России завладения Хивинским ханством, о существовании которого многие россияне даже и не подозревали.

...У нас и теперь найдется людей, даже образованных, читающих журналы, которым до сих пор еще неизвестно, что Россия объявила войну Хиве, что туда послана экспедиция, что эта экспедиция уже два месяца в дороге и теперь, вероятно, пришла к месту назначения; что в эту минуту, когда мы пишем нашу брошюру, может быть, Хива завоевана, освобождены многие тысячи наших несчастных соотечественников, страдавших долгое время в тяжком рабстве у варваров, что нами занята в Азии одна из важнейших для России, военных и торговых позиций. Некоторые, по всей вероятности, даже удивятся, почему мы приписываем такую важность этому событию. «Что такое Хива? Мы почти и не знаем о ней; едва помним из читанных нами географических книг, что это маленькое, ничтожное ханство, населенное небольшим числом каких-то полудиках бородачей, которые разбегутся при первом нашем пушечном выстреле. Трудно разве только добраться до них». Все это правда, господа, да дело в том, что Хива стоит на перекрестках путей во всю Азию; что прямо из ней дорога в Ост-Индию, влево — в Китай, вправо — в Персию; что караваны, идущие из всей Восточной и Южной Азии в Россию, должны проходить чрез Хиву или поблизости от нее, следственно, от этой местности решительно зависит участь всей нашей торговли с Азией, а торговлей этой шутить нельзя... Оно представляет превосходный и единственный передовой пост для наблюдения за всеми переворотами в Азии, за всеми движениями тамошних народов, наблюдения, особенно важного в настоящее время, когда в этой части света готовятся величайшие события; когда английская Ост-Индская компания, не довольствуясь ста тридцатью миллионами людей, покоренных ею в Индии, может распространить свое влияние и на всю Восточную Азию... [Хива ..., с. 4—17].

Таким образом, Хива представлялась традиционно диким, ничтожным варварским государством, как и все остальные государства на территории степной Евразии, с той лишь разницей, что являлась ключевым фактором в русско-английском противостоянии в Азии.

Поход В. А. Перовского начался 14 ноября 1839 г., длился 8 месяцев и закончился 8 июня 1840 г., так и не состоявшись, поскольку до Хивы его армия не дошла из-за непредвиденных обстоятельств: суровая зима, царившая в степи с ноября до апреля месяца, а кроме того, плохая подготовленность армии и излишняя уверенность в своих силах. Несмотря на военный провал миссии, в июне 1840 г. В. А. Перовский пишет краткий отчет в Санкт-Петербург, в котором рассказывает о неудаче, а также и о положительных итогах своей экспедиции. Одним из них явилось обнаружение фирмана (указа) хана Аллакули от 19 июля 1840 г., который, под страхом смертной казни запрещал подданным хивинским впредь навсегда грабить и погонять русских [см.: ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5068а, л. 249–250].

После провала экспедиции и невозможности доказательства военного превосходства русского оружия Российская империя применила по отношению к Хиве также экономические санкции, которые оказались очень чувствительными для хивинской экономики. Прекращение прямых торговых сношений с Россией заставило хивинцев прибегать к посредству бухарских и кокандских купцов для приобретения необходимых товаров. Таким образом, все товары из России доставались хивинцам почти по удвоенной цене, а хивинские подешевели почти вдвое.

Через месяц караван с русскими пленными из Хивы в числе 416 человек прибыл в Н. Александровское укрепление, откуда морем был отправлен в городок Гурьев, а оттуда пленные были препровождены в Оренбург. На пленных были заведены дела и заполнены анкеты, сохранившиеся в Оренбургском архиве по сей день [см.: ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5241, л. 27–48].

После 1839 г. Англия, опасаясь за свои колонии в Индии, проявила еще больший интерес к среднеазиатским делам, несмотря на все заверения русского правительства о незаинтересованности в английских колониях. В день возвращения экспедиции В. А. Перовского в Оренбург в Хиву пожаловали английские агенты Аббот и Шекспир [Narrative of a journey...]. О причинах появления английских шпионов в Хиве в письме В. А. Перовскому сообщается:

Ост-Индское правительство не может равнодушно взирать на экспедицию нашу, которая более или менее должна иметь отголосок в дальнейших азиатских странах, а в особенности в Афганистане, где установленный англичанами с столь значительными жертвованиями порядок вещей еще не совсем упрочен. Сим то самые уважения побудившим пребывающего в Герат английского агента майора Тодта по первому ходатайству хивинского хана о присылке к нему английского офицера решиться на немедленное отправление туда капитана Аббота с целью употребить всевозможные меры к предупреждению нашей экспедиции. Лишь только получено было о том известие в Лондоне: в последних числах марта, министерство Великобритании не замедлило объявить о том нашему посланнику с присовокуплением уверений, что капитану Абботу поручено единственно стараться склонить хана хивинского, чтобы он поспешил исполнить все требования нашего правительства возвратить томлящихся в неволе российских подданных и не позволял бы хивинцам грабить караваны; но что офицер сей отнюдь не имеет поручения содействовать хивинцам в обороне против нашего отряда. Несмотря на все сии уверения, мы не могли отнюдь

согласиться на вмешательство английского агента в дела наши с Хивою, и хотя в то время получено уже было известие о непреодолимых препятствиях, побудивших отряд наш к возвращению, не менее того, с высочайшего соизволения предписано было посланнику нашему в Лондоне настоятельно требовать помянутого офицера из Хивы [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5068].

Таким образом, основная борьба за Хиву после 1839 г. развернулась на дипломатическом поле. В 1839 г. Россия не смогла воспользоваться своим шансом легко и быстро захватить Хивинское ханство. Теперь же Англия готова была на все, лишь бы не допустить сценария 1839 г., но с положительным исходом, поэтому английская дипломатия всеми силами долгие годы отдаляла эту цель российской внешней политики [см.: Данков, 2007, с. 87 – 91].

Следует отметить, что все дальнейшие миссии и дипломатические посольства, отправляемые в Хиву после 1839 г., формировались в условиях противодействия англичан в регионе, и в том числе в Хиве. Одновременно с набором уже привычных инструкций все отправляемые Российской империей в Среднюю Азию лица имели секретные поручения на предмет изучения и наблюдения за английскими агентами и вообще английской политикой в регионе.

Англия впервые оценила потенциал и значение всего Центрально-Азиатского региона. Примерно в это время появляется англоязычная литература о важности региона, его транзитных, торговых и геополитических возможностях. Именно в 1839 г. возникает название «Центральная Азия», авторство которого принадлежит английскому дипломату Д. Уркварту. В своем труде автор специально не останавливается на определении Центральной Азии и не дает какого-либо объяснения своей позиции, но на одной из страниц мы находим примерные географические очертания региона, охватывающего территорию от Каспийского моря до Амударьи и Инда [см.: Urquhart, p. 66].

Излишней активизацией действий и проявляемым интересом к региону Англия подталкивала российское правительство к принятию решительных мер по отношению к Хиве и всей Центральной Азии. Таким образом, поход 1839 г. В. А. Перовского послужил своеобразным катализатором для перемещения региональной среднеазиатской повестки на международный уровень. Дальнейшее стремительное и, как считалось, легкое, без особых затрат продвижение России в Хивинское ханство с этих пор стало практически невозможным по причине появления в регионе новых, более грозных соперников в лице английского правительства. Недооценка русским правительством и всеми предыдущими экспедициями хивинского противника обошлась Российской империи в 1839 г. слишком дорого. После 1839 г. необходимо было начинать практически с чистого листа, но уже в более сложных, непредсказуемых международных условиях. Центральная Азия с этого времени стала органичной частью мировой политики, шахматной доской для двух европейских держав, где любой просчет имел самые тяжелые последствия, поэтому никто из участников долгое время не пытался форсировать и повторять события 1839 г. Россия перешла на осторожное дипломатическое взаимодействие по среднеазиатским вопросам, в том числе и хивинскому, на полях Европы.

В ответ на появление английских агентов Аббота и Шекспира в Хиве, а также для окончательного заключения мирных условий с Хивой Россия потребовала принятия посольства, на что хивинский хан изъявил согласие.

Примечательно, что пойти на мировую и выполнить все требования России советовали хану прибывшие из Герата в Хиву англичане Аббот и Шекспир. Безусловно, англичане отстаивали исключительно свои интересы, поскольку не желали нового похода со стороны российского правительства и окончательного покорения Хивы русскими.

Для переговоров с хивинским ханом русское правительство в августе 1841 г. отправило миссию капитана Никифорова, которая не имела в Хиве никакого успеха отчасти из-за дерзкого обхождения Никифорова с министрами хана, поэтому министры, хотя и приняли предложенные им подарки и вели разговоры с Никифоровым, ни в какие письменные обязательства не пожелали вступить, поэтому он вынужден был уехать из Хивы почти ни с чем [см.: Сборник материалов...]. Впрочем, единственным результатом этой миссии было отправление из Хивы вместе с Никифоровым особого посольства под начальством сановника Вансвая Набиева со свитой в 16 человек [см.: Захарьин, с. 431].

Так как посол Набиев заявил все-таки, что Хива была бы не прочь заключить желаемый Россией формальный договор, то в Министерстве иностранных дел решено было снарядить в Хиву особое посольство с подробными полномочиями для заключения с хивинскими правителями торгового и мирного трактата. Во главе посольства в Хиву был поставлен по рекомендации генерала В. А. Перовского полковник Данилевский. Миссия была отправлена из Оренбурга 1 августа 1842 г. [см.: Посольство в Хиву...]. Отправляя полковника Данилевского в Хиву, правительство поручило ему укрепить нравственное влияние на хивинцев и ослабить влияние Хивы на Киргизскую степь; кроме того, на Данилевского возлагалась обязанность точнее определить южную границу с Хивою (по реке Сырдарье), а также по северному берегу Арала и северному же склону Усть-Урта. В гласной инструкции, данной полковнику Данилевскому, предлагалось также выхлопотать у хана Алла-Кула право держать в Хиве постоянного русского агента и добиться у хивинцев освобождения из плена персидских невольников, число которых доходило в то время до 1500 человек, а главное, составить формальный торговый договор с Хивою, ограждающий русские купеческие караваны от нападений туркменов и предоставляющий русским купцам право свободно торговать по всей Хиве. На Данилевского было возложено и еще одно секретное поручение, выраженное ему словесно в самый день выезда его из Оренбурга: ему поручалось сделать военно-топографическую съемку не только того пути в Хиву, по которому он пойдет, но в возможной мере и самой Хивы и окружающих ее городов и оазисов; для этого в свиту Данилевского были даны топографы — два брата Зеленины [см.: Там же].

Однако пребывание миссии в Хиве совпало со сменой власти, поэтому переговоры Данилевского долгое время не могли увенчаться успехом. Лишь в декабре 1842 г., после угроз в адрес ханских министров от имени российского правительства, Данилевскому была назначена аудиенция у хана.

К 25 декабря 1842 г. акт соглашения с Хивой был окончательно изготовлен. В нем был выговорен беспрепятственный проход в Хиву и обратно русских купеческих караванов, правительство Хивы обязывалось ограждать эти караваны от разбойничьих нападений туркмен-йомудов и хивинских киргизов, а также воспрещать номадам нападать на рыбные промыслы на Каспийском море и забирать рабочих в плен; русским купцам предоставлялось право открытой торговли не в одном лишь городе Хиве, но и в Куня-Ургенчи, Ханки, Хазараспе и др.; равно и хивинские купцы могли беспрепятственно и беспошлинно торговать в наших пределах, а на меновом дворе Оренбурга и в караван-сараях для них отводились особые места и помещения.

Посылая в Хиву своих поверенных, русское купечество узнало лучше потребности хивинцев и местные особенности торговли. Составилось товарищество под названием Хивинской компании, с основанием которого торговля с Хивой сделалась более прибыльной, велась со знанием дела, с изучением потребностей обоих народов, и не с одной Хивой, но вообще с Бухарой и Кокандом, куда по примеру Хивы стало также допускаться русское купечество [см.: Иванов, с. 159].

В том же договоре были ясно и точно обозначены взаимные границы с Хивой — по Сырдарье и Усть-Урту. При составлении окончательной редакции договора полковник Данилевский пытался еще раз склонить министров Хивы на согласие допустить пребывание в их столице если не политического, то хотя бы только торгового агента России, но, несмотря на все настояния и сделанные подарки, этого не удалось добиться.

В целом, миссия Данилевского прекрасно справилась с задачами, возложенными на нее, и благополучно вернулась в Оренбург в феврале 1843 г. Несмотря на это, уже в последующие годы (1844 и 1845) хивинское правительство не постеснялось нарушить только что заключенный им договор, сведя все старания миссии на нет: оно стало явно покровительствовать известному мятежнику, русскому киргизу Кениссаре, и разбойнику Кутебарову, скрывавшимся в пограничных хивинских владениях. По-прежнему продолжался грабеж русских купеческих караванов. Наконец, в 1858 г. хивинские правители прямо объявили полковнику Н. П. Игнатьеву, что содержания акта, заключенного ими в 1842 г. с полковником Данилевским, не помнят и даже не нашли его в своих канцеляриях.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. российско-хивинские отношения оставались актуальной и нерешенной внешнеполитической задачей для Российской империи. Единственный военный поход не оправдал надежд, а дипломатические усилия, предпринимаемые Россией, не принесли ожидаемых результатов. После миссии 1842 г. отношения с Хивой не изменились, и старые проблемы, копившиеся еще со времен поездки майора Е. И. Бланкеннагеля, все больше и больше раздражали русское правительство. Хивинский хан по-прежнему не считался с Россией и вел себя надменно по отношению к ней. Торговые интересы России на рынках Хивы не соблюдались; кроме того, возобновились и участились случаи захвата в плен русских подданных.

О сложностях русской торговли на рынках Хивы и Бухары спустя 16 лет после успеха в переговорном деле миссии Данилевского участник миссии в Хиву 1858 г. М. Н. Галкин сообщал:

Торговля России с владениями Средней Азии находится с некоторого времени в положении совершенно для нас невыгодном: среднеазиатские торговцы почти исключительно овладели как закупкою русских товаров на месте производства и распродажею их в Азии, так закупкою на месте среднеазиатских произведений и распродажею их в России. От этого происходят для нас две невыгоды: во-первых, все купеческие барыши от производства торговли достаются на долю одним среднеазиатским купцам; во-вторых, русские товары обходятся среднеазиатским потребителям по самым низким ценам, тогда как русские потребители приобретают их относительно дорого...

Многие из русских торговцев... выжиты были туземцами со среднеазиатских рынков и больше туда не показываются. Этому были две причины: во-первых, покровительство, оказываемое в России среднеазиатским торговцам; во-вторых, стеснения, коим русские торговцы из христиан подвергаются в Средней Азии от тамошних правительств, и неудобства, терпимые ими там вследствие фанатизма обитателей и происков туземных купцов...

По изложенным обстоятельствам, с 1852 г. русские торговцы-христиане не ездят более в Среднюю Азию и совершенно прекратили торговлю с нею, или ведут ее через комиссионеров-магометан, казанских татар и киргизов Зауральской орды. ...

К изменению такого невыгодного и, можно даже сказать, унижительного для нас положения дел представляются два средства: одно — требовать и настоять, чтобы в Среднеазиатских владениях с русских торговцев-христиан пошлина товарная взималась в таком же размере, как с магометан... другое — привести в исполнение воспрещение среднеазиатцам торговать внутри России и ограничить действия их или меновыми дворами означенных линий, или городами, в состав этих линий входящими, каковы Гурьев, Уральск, Оренбург, Орск, Верхнеуральск, Троицк, Петропавловск...

«Но, — могут возразить на все изложенные соображения, — что станем мы делать, если на требования и угрозы наши среднеазиатские владельцы ответят прекращением всяких с нами торговых сношений?»... Не может этого случиться, потому что не допустят до того свои правительства под угрозой восстания сами среднеазиатские торговцы, превосходно понимающие, что не Россия нуждается в торговле со Средней Азией, а Средняя Азия в торговле с Россией; что для нас временное прекращение этой торговли будет почти не чувствительно, тогда как их разорит оно в конец. Главные статьи привоза к нам из Средней Азии суть хлопок, бумажные изделия и мерлушка. Второе место... занимают в привозе сухие фрукты и марена. Первые такого дурного качества, что не стоят даже издержек доставки... и потребляются единственно низшим классом народонаселения в Оренбургском и соседнем Сибирском краю... Все означенные товары среднеазиатцы не смогут сбывать с выгодой никуда, кроме России: ни в Персию, ни в Афганистан, ни в Индию, ни в Китайский Туркестан... Наоборот, от нас... вывозят преимущественно такого рода товары, которых по ценам, за какие эти товары приобретаются в России, не могут они получить ниоткуда в мире (железо, медь, чугун). ...Сверх сего, сбытом нам хлопка своего и фруктов приобретают они и наличные деньги, на которые покупают потом от персиян и афганцев то немного, что пригодно им из произведений британской

промышленности. Последнее обстоятельство невыгодно для нас в особенности... Вследствие чего в прилинейных городах Оренбургского края ощущается крайний недостаток (в наличности), с большим оттого затруднениями для всех внутренних оборотов. ...И зачем же терпим мы эти затруднения?.. Таким образом, уменьшить означенные пошлины (с русских купцов-христиан) или ограничить права среднеазиатских торговцев требуют и честь и выгоды России [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7359, л. 60–64].

Таким образом, Россия уступала в предприимчивости среднеазиатским купцам, а неоднократные мирные инициативы не оказали никакого воздействия на Хиву.

По мнению того же М. Н. Галкина, ситуация немного изменилась лишь после 1853 г., когда В. А. Перовский штурмом захватил Ак-Мечеть. «В последнее время, с занятия нами Ак-Мечети, Хива, видимо, стала опасаться открытой противу русских вражды. Так, на все приглашения Кокана действовать заодно против нас отвечала она уклончиво и всю в этом случае помощь свою ограничила посылкою 9 верблюдов со свинцом и порохом» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7359, л. 2–7].

Однако это не означало, что Хива смирилась со своим положением, поскольку все мероприятия, нацеленные против России, с тех пор хивинцы старались проводить тайно. Хива по-прежнему продолжала посылать в казахские степи своих лазутчиков и сборщиков закята, приветствовало мятежные замыслы И. Кутебарова и других казахских мятежников, поддерживаемая Турцией, где побывали ее посланники в 1853 — 1854 гг.

Интересно, что М. Н. Галкин, анализируя все предыдущие результаты переговоров между Россией и Хивой, уже не верит в их незыблемость и настаивает на более активных действиях и давлении на руководство азиатских государств как с помощью экономических санкций, так и военным путем для защиты интересов России. Майор Е. И. Бланкеннагель еще в далеком 1793 г. высказывал свои опасения об этом свойстве хивинских ханов: «При сем должен я заметить, что хивинцам нельзя ни в чем верить. Вероломства у них обыкновенны, в рассуждении же христиан почитают то и за богоугодное еще дело. А как притом ежедневно должно у них опасаться внутренних беспокойств, то во время оных все приходит в такое замешательство, что нельзя и думать о сдержании учиненных ими обязательств и договоров» [Замечания майора Бланкеннагеля, с. 6].

В связи с этим взятие Ак-Мечети в 1853 г. явилось первым шагом в реализации этой долгосрочной программы, закончившейся в 1873 г. подчинением Хивинского ханства, но уже не только по маршруту 1717 и 1839 гг. (через плато Устюрт), который ранее виделся, как единственно верный путь для нападения, а главным образом обходным путем — через Ташкент и Бухару, потребовавшим от России гораздо большего напряжения сил, времени и средств. В 1840 г. русское правительство ошибочно полагало, что Хива «представляет превосходный и единственный передовой пост для наблюдения за всеми переворотами в Азии» [Хива ..., с. 16]. Несколько лет спустя В. А. Перовский (1853) и М. Г. Черняев (1864) доказали своими действиями, что Кокандское ханство и Бухарский эмират также являются выгодным плацдармом для укрепления

российского влияния в Средней Азии. После их завоевания участь непокорной Хивы была решена, а ее захват являлся лишь вопросом времени для Российской империи.

Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 4, ч. 2. Тифлис, 1875. С. 710–711. [Akty Kavkazskoj arkheograficheskoy komissii. T. 4, ch. 2. Tiflis, 1875. S. 710–711.]

ГАОО. Ф. 6. [GAOO. F. 6.]

Гуломов Х. Г. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII – первой половине XIX века. Ташкент, 2005. 499 с. [Gulomov Kh. G. Diplomaticheskie otnosheniya gosudarstv Sredney Azii s Rossiej v XVIII – pervoj polovine XIX veka. Tashkent. 2005. 499 s.]

Данков А. Британская историография второй половины XIX века об англо-русских противоречиях в Центральной Азии // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2007. № 300 (1). С. 87–91. [Dankov A. Britanskaya istoriografiya vtoroj poloviny XIX veka ob anglo-russkikh protivorechiyakh v Tsentral'noj Azii // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. 2007. N 300 (1). S. 87–91.]

Данков А. Формирование основных концепций британской политики в Азии (первая половина XIX века) // Государства Дальнего Востока: история, политика, культура : сб. ст. Вып. 8. Новосибирск, 2008. С. 29–58. [Dankov A. Formirovanie osnovnykh kontseptsij britanskoj politiki v Azii (pervaya polovina XIX veka) // Gosudarstva Dal'nego Vostoka: istoriya, politika, kul'tura : sb. st. Вып. 8. Novosibirsk, 2008. S. 29–58.]

Замечания майора Бланкеннагеля, впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793/94 годах. СПб., 1858. С. 24. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1780-1800/Blankennagel/frametext.htm> (дата обращения: 12.03.2013). [Zamechaniya majora Blankennagelya, vposledstvie poezdki ego iz Orenburga v Khivu v 1793/94 godakh. SPb., 1858. S. 24. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1780-1800/Blankennagel/frametext.htm> (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Захарьин И. В. Посольство в Хиву в 1842 году // Исторический вестник, 1894. № 11. С. 428. // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Zacharjin/text1.htm> (дата обращения: 12.03.2013). [Zakhar'in I. V. Posol'stvo v Khivu v 1842 godu // Istoricheskij vestnik, 1894. N 11. S. 428. // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Zacharjin/text1.htm> (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. [Электронный ресурс]. СПб., 1874. С. 156. URL: <http://kungrad.com/history/pohod/iv/7/> (дата обращения: 12.03.2013). [Ivanin M. Opisanie zimnego pokhoda v Khivu 1839–1840 gg. [Elektronnyj resurs]. SPb., 1874. S. 156. URL: <http://kungrad.com/history/pohod/iv/7/> (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // Военный сборник. 1866. № 5. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Danilevskij/text1.htm> (дата обращения: 12.03.2013). [Posol'stvo v Khivu podpolkovnika Danilevskogo v 1842 g. // Voennyj sbornik. 1866. N 5. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Danilevskij/text1.htm> (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров [Электронный ресурс]/ М., 1822. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1800-1820/Muraviev/pred.htm> (дата обращения: 12.03.2013). [Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh gvardejskogo general'nogo shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov [Elektronnyj resurs]/ M., 1822. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1800-1820/Muraviev/pred.htm> (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края [Электронный ресурс]. Т. 3. Ташкент, 1912. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Serebrennikov_III/index.htm (дата обращения: 12.03.2013). [Sbornik materialov dlya istorii zavoevaniya Turkestanskogo kraja [Elektronnyj resurs]. T. 3. Tashkent, 1912. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Serebrennikov_III/index.htm (data obrascheniya: 12.03.2013).]

www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Serebrennikov_III/index.htm (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. 361 с. [Terent'ev M. A. Rossiya i Angliya v Srednej Azii. SPb., 1875. 361 s.]

Хива, или Географическое и статистическое описание Хивинского ханства, состоящего теперь в войне с Россией. М., 1840. 84 с. [Khiva, ili Geograficheskoe i statisticheskoe opisaniye KHivinskogo khanstva, sostoyashego teper' v vojne s Rossiej. M., 1840. 84 s.]

ЦГИА ГрузССР. Ф. 2. Оп. 1. [TSGIA GruzSSR. F. 2. Op. 1.]

«Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...» [Электронный ресурс] : письма И. В. Виткевича к В. И. Далю // Гостиный двор. 2005. № 16. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Vitkevich/briefe_dal.htm (дата обращения: 12.03.2013). [«Ya udovletvoruyu sovershenno moyu strast' k priklucheniyam...» [Elektronnyj resurs] : pis'ma I. V. Vitkevicha k V. I. Dalju // Gostinyj dvor. 2005. N 16. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Vitkevich/briefe_dal.htm (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg, during the late Russian invasion of Khiva, with some account of the court of Khiva and the kingdom of Khaurism. L., 1843. 401 p.

Urquhart D. Diplomatic transactions in Central Asia, from 1834 to 1839. L., 1841. 240 p.

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2012 г.